

нии). Поэзия Фондана ставит вопросы о смерти, конечности человеческого существования, а также о смысле человеческих страданий; следуя за Шестовым, Фондан предполагает, что целью как философского, так и поэтического творчества является процесс вопрошания, а не обретение ответа.

Согласно Фондану, поэзия — это «утверждение реальности»⁹; поэтический акт жизненно, экзистенциально необходим — без поэзии человек утрачивает действительность. Поэма оказывается средством передачи опыта переживания реальности; она не имеет эстетической ценности, только экзистенциальную.

* * *

Книга «Рембо-проходимец» (Rimbaud le voyou, 1933) Фондана, фрагмент которой мы предлагаем вниманию читателей, является ответом на интерпретацию творчества поэта, данную в книге Андре Ролана де Реневиля «Рембо-духовидец» (Rimbaud le voyant, 1929), а также реакцией на восприятие Рембо, бытующее в кругах сюрреалистов. Наряду с представлениями о Рембо как о мистике (Ролан де Реневиля) и сюрреалисте (Бретон), существует множество других «мифических» образов поэта: «Рембо-католик», «Рембо-богоборец», «Рембо-коммунист», «Рембо-буржуа», «Рембо-поэт-подросток», «Рембо-африканский политик и дипломат», «Рембо-гомосексуалист» и пр. Книга Фондана породила еще один миф о французском поэте как о «Рембо-скитальце», бунтующем против Необходимости.

РЕМБО-ПРОХОДИМЕЦ¹⁰

Б. ФОНДАН

VIII

Вы можете поставить под сомнение точность понятия «проходимец», которое я употребляю неслучайно. Это заставляет меня обратиться к словарю, чтобы прояснить значение этого слова.

ПРОХОДИМЕЦ — человек беспутного поведения, как правило, живущий на улице.

Словарь Ларусс¹¹ дает ясное понятие об этом.

Ничто не может помешать вам подробно рассмотреть жизнь и творчество Рембо, и тогда вы сможете с уверенностью утверждать, что он практически не жил дома. Вспомните хотя бы его бродяжничество, его пешие странствия из Шарвиля¹² в Париж, в Брюссель, его очевидную склонность к нестабильности (которую врач определил как амбулаторную паранойю), которая толкала его в путь по всей Европе и Азии и которая вела его по новым торговым маршрутам в Абиссинию¹³; даже будучи больным, он путешествовал из Марселя¹⁴ в

Париж, затем в Рош¹⁵ и обратно в Париж. В нравственном отношении он был не менее шаток — он был торгошом, проходимцем! «Человек беспутного поведения» — вот что шокирует вас больше всего. Дело не в том, что дома, в кругу семьи или в глубине души вы будете думать иначе. Но вам трудно понять, что сидя за своим рабочим столом, погружившись в размышления, автор, который пишет о Рембо, с одной стороны, должен любой ценой возвышать, облагораживать, но с другой — сохранять, вопреки приличиям, истинный образ поэта.

Возможно, я не прав, беспрестанно обращаясь к «безобразиям» Рембо; вам хочется, чтобы о них забыли. Но для меня важно именно то, что о них будут помнить! К чему приписывать ему нравственные качества, которыми он никогда не обладал, делая из него едва ли не святого, практически духовидца? Я также напоминаю вам, что в его собственных глазах теория поэта-духовидца¹⁶, которая очевидно не является благой с точки зрения обыденной морали, составляет удел проходимца *par excellence*, поскольку оказывается средством, с помощью которого можно овладеть как прошлым, так и будущим. Впрочем, Рембо всецело осознавал это. Даже в момент создания этой теории он был далек от того, чтобы приписывать себе положительную роль, так же как и от того, чтобы принимать величественную позу Пророка. Разве он не писал тогда: «Я опускаюсь все ниже и ниже...»? Слово, которое он употребляет для того чтобы определить себя и свою деятельность, всецело соответствует понятию из словаря Ларусса.

Можно ли утверждать, что Рембо является проходимцем скорее по духу, нежели в буквальном смысле слова, исходя из его понимания духа: «Дух — это власть, он желает, чтобы я принадлежал Западу. Нужно бы заставить его замолчать, чтобы я мог поступать по своей воле»¹⁷. Вероятно, эта фраза не скажет вам ничего заслуживающего внимания; мы привыкли к туманности слов славящихся этим поэтов и писателей. Но Рембо берет на себя задачу предупредить нас о потоке смыслов, следующих за этими словами, о скрывающихся в них опасностях: «Я посылаю к черту лавры мучеников, порывы творческого озарения, гордость творцов, упоение грабежом; я возвращаюсь на Восток, к первоначальной и непреходящей мудрости. Возможно, это только греза дремотной лени»¹⁸.

Не утверждал ли я, что он соответствует всем приметам проходимца? Посылать к черту мучеников (а не только мучителей), творческие озарения, а не только проповеди и литературу, гордость творцов (творцов, наших богов!), упоение грабежом (мученики и преступники для него стоят в одном ряду) и вернуться к первоначальной мудрости, которая, как полагают, принадлежит Востоку, но она, вероятно, не что иное, как греза дремотной лени, поскольку истинная мудрость не развеялась бы к настоящему времени. Она является лишь желанием обрести «лавры мучеников». Разве ради этого стоит жить на улице?

Если Дом обретен, то он оказывается духом, властью, он построен на Западе, где уже есть свои мученики, творцы, искусство, грабители. Жить на улице! Таков удел Рембо, которого он вовсе не стремился избежать, поскольку даже в то время, когда он хотел покинуть Запад, он, вероятно, старался уйти от его власти, но не для того, чтобы избавить себя от невзгод: «Тем не менее, — добавляет он в том же тексте, — я едва ли помышлял об удовольствии избежать страданий нашего времени»¹⁹.

Дух — это власть, в этом Рембо не сомневался, и это причиняло ему страдания, так же как и то, что Дух желал, чтобы мы непременно принадлежали Западу. Не только религия, причем любая религия, этого требует, но в особенности философы, теологи, атеисты, ученые, теософы и др. Даже революция не желает ничего иного. Подобный порядок вещей пояснял Гёте: «Эти высокие произведения искусства в то же время и высочайшие произведения природы, созданные людьми по законам природы и истины. Все произвольное, воображаемое отпадает прочь: тут сама необходимость, тут Бог»²⁰. Вы прекрасно видите, что духовность на Западе всегда сопряжена с Необходимостью; Ананке Аристотеля оказывается Богом. Это так даже для тех редких людей, которые, подобно Рембо, были свободны от условностей.

С другой стороны, на Западе Бог никогда не предшествует Духу, который олицетворяет власть. Он за ним следует. Даже тогда, когда место Бога занимает нечто иное (практически всегда понятие Бога подменяется каким-то другим термином), новый Бог тотчас обретает все атрибуты прежнего Божества. Даже для тех людей, для которых Бог является не чем иным, как «свиньей»²¹, всегда есть тайная ниша, где помещается новая сила, которую называют Дух или даже Сокрытый Дух, и поскольку мы существуем в царстве слов, этот Бог является таким же легитимным, как и другой, мы должны быть готовы считаться с ним, но не без предваряющего вопроса: каковы атрибуты нового Бога, которые отличают этого Бога от иного? Мы должны учитывать, что здесь не идет речи о замене одного субъекта другим, но это — вопрос о переоценке ценностей.

Что бы мы ни говорили, этот новый Бог знает о своем происхождении — и это Запад; он господствует, повелевает, приказывает, предписывает; он требует подчинения; его тираническая власть распространяется через людей, которые убеждены, что они вправе говорить от его имени. Грех этого Бога против духа не смогут смыть воды всех морей; у него есть свои наказания и награды. Этот Бог, так же как и другой, является совершенным и абсолютным; он так же подчиняется Необходимости и властвует. Такой ли «Дух» — Бог Рембо? Этот ли «Дух» является той «Властью», которая хочет, чтобы мы «принадлежали Западу», о котором пишет Рембо? Не об этом ли

Духе как о другом Рембо скажет: «Нужно бы заставить его замолчать, чтобы я мог поступать по своей воле»?

Нет, для Рембо речь не идет о такого рода Духе – истинно гегелевском, развивающемся диалектически; напротив, греза дремотной лени, единственное видение, которое погружает нас обнаженными на глубину «страданий нашего времени».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа посвящена наиболее значимым фигурам французской поэзии. По мысли Фундоюну, румынская литература является лишь бледным отражением, имитацией европейской. У культуры Румынии, считает поэт, нет традиции, нет прошлого, ее единственным фундаментом является заимствование. Образцом для подражания румынским интеллектуалам служила французская литература. И все же, несмотря на критичность в отношении румынской поэзии, Фундоюну восхищается такими авторами, как Михай Эминеску и Тудор Аргези, поскольку, несмотря на возрастающее влияние извне, они утверждали аутентичность румынской культуры.

² Книга «Les Révélation de la mort. Dostoïevsky – Tolstoi» вышла в переводе Б.Ф. Шлэцера во французском издательстве «Plon» в 1923 г. Впоследствии она была включена в работу «На весах Иова. Странствования по душам».

³ Книга «La philosophie de la tragédie. Dostoïevsky et Nietzsche» вышла в парижском издательстве «Pléiade» в 1926 г. Как и большинство работ Шестова, она была переведена на французский язык Шлэцером.

⁴ В письме от 17 января 1927 г. Фондан пишет Шестову: «Вы помогли мне понять не только Ницше, Толстого и других, но и тех авторов, которых вы никогда не рассматривали, таких как Рембо и Бодлер» (*Fondane B. Rencontres avec Léon Chestov.* – Paris, 1982). Книгу о Рембо поэт-философ посвятил Шестову.

⁵ *Гурмон Р. де.* Книга масок. – М., 1996. С. 69.

⁶ *Fondane B.* Rimbaud le voyou. – Paris, 1933. P. 47.

⁷ *Ibid.* P. 51.

⁸ *Fondane B.* Faux Traité d'esthétique. – Paris, 1980. P. 78.

⁹ *Ibid.* P. 94.

¹⁰ Перевод выполнен по изданию: *Fondane B.* Rimbaud le voyou. – Paris, 1933. P. 83 – 88.

¹¹ Ларусс – энциклопедический словарь издательства «Ларусс».

¹² Родной город Рембо, расположенный на северо-востоке Франции в регионе Шампань-Арденны.

¹³ Около десяти лет (1880 – 1891) Рембо провел в Африке, занимаясь торговлей. Он проложил маршрут от Сомалийского побережья через г. Харар в восточной Эфиопии до Шоа, гористого центрального региона страны. Впоследствии в этом направлении будет проведена первая в Эфиопии железная дорога.

¹⁴ В 1891 г. Рембо был вынужден вернуться из Африки из-за болезни колена, в Марселе ему сделана операция, в результате которой ему ампутировали ногу.

¹⁵ Рош – имение, принадлежавшее деду Рембо по материнской линии, где в 1873 г. поселяется семья Рембо.

¹⁶ Теорию и метод ясновидения Рембо формулирует в письмах к своему учителю риторики из Шарлевильского колледжа Жоржу Изамбарду и другу – поэту Полю Демени в мае 1871 г. Так, он пишет в письме Демени: «Поэт превращает себя в ясновидца длительным, безмерным и обдуманном приведением в расстройство всех чувств. Он идет на любые формы любви, страдания, безумия. Он ищет сам себя. Он изнуряет себя всеми ядами, но всасывает только их квинтэссенцию... Он достигает неведомого, и пусть, обезумев, он потеряет понимание своих видений, – он их видел!.. он становится самым больным из всех, самым преступным, самым проклятым – и ученым из ученых! Ибо он достиг неведомого» (*Рембо А.* Пьяный корабль. – М., 2000. С. 293 – 294).

¹⁷ Rimbaud A. *Une saison en enfer*. – Paris, 1873. P. 40.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Гёте И.В. Итальянское путешествие. – М., 2013. С. 422.

²¹ Фондан имеет в виду Бретона, который в 1926 г. в комментариях к работе «Сюрреализм и живопись» писал о том, что для него понятие «Бог» соединяет в себе все самое низменное, пагубное, грязное и смехотворное, из чего он заключает, что «Бог – свинья».

REFERENCES

- Finkenthal M. *Benjamin Fondane. A Poet-philosopher Caught Between the Sunday of History and the Existential Monday*. New York, 2013.
- Goethe J.W. *Italian Journey*. Moscow, 2013 (trans. into Russian).
- Fondane B. *Faux Traité d'esthétique*. Paris, 1980.
- Fondane B. *Rimbaud le voyou*. Paris, 1933.
- Fondane B. *Rencontres avec Léon Chestov*. Paris, 1982.
- Gourmont R. de. *Le Livre des masques*. Moscow, 1996 (trans. into Russian).
- Hyde J. K. *Benjamin Fondane. A presentation of his life and works*. Genève, 1971.
- Lucescu Boutcher A. *Rediscovering Benjamin Fondane*. New York, 2003.
- Panova O.Yu. Rimbaud and simulacrum. In: *Novoe Literaturnoye obozrenie* [New Literary Review]. 2005. No 71, pp. 200-227 (in Russian).
- Rimbaud A. *Le bateau ivre*. Moscow, 2000 (trans. into Russian).
- Rimbaud A. *Une saison en enfer*. Paris, 1873.

Перевод с французского и Примечания К.В. Ворожихиной